

Убей меня

если сможешь



Арина Сокол

18+

Арина Сокол

Убей меня, если сможешь

«Автор»

2026

Сокол А.

Убей меня, если сможешь / А. Сокол — «Автор», 2026

Попасть в другой мир — полбеда. Хуже, когда твой тщательно спланированный способ вернуться домой ценой собственной жизни срывается из-за орка-джентльмена. Он не рычит, не нападает, а беспокоится, что она замерзла и проголодалась.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Арина Сокол

Убей меня, если сможешь

Глава 1

Сознание вернулось к Лене нехотя, будто сквозь толстый слой ваты. Не было резкого перехода, только медленное, мучительное всплытие. Последнее, что она помнила: дурацкий кошачий мем на экране телефона, легкое покалывание в мокрых от чая пальцах, короткое замыкание в розетке и резкий толчок в грудь, от которого сердце кувыркнулось и замерло.

А теперь — запах. Свежей, подгнившей травы, влажной земли и чего-то дымного, древесного. И жесткая колючая поверхность под спиной. Лена с трудом открыла глаза, ожидая увидеть знакомый потолок с паутиной в углу.

Вместо этого над ней простиралось небо неземной, сапфирной синевы, по которому плыли два бледных, призрачных серпа. Две луны. Одна побольше, другая поменьше. Они висели рядышком, словно космические супруги, и их холодный свет заливал незнакомый пейзаж.

«Глюк», — попыталась убедить себя Лена, с трудом приподнимаясь на локтях. Голова кружилась, тело ломило, как после гриппа. Она сидела на обочине грунтовой дороги. С одной стороны темнел лес, с неправдоподобно высокими, стройными деревьями, с другой — виднелись огоньки и приземистые крыши какой-то деревушки, больше похожей на декорации к историческому фильму. Ни машин, ни фонарей, ни линий электропередач. Тишина стояла оглушительная, нарушаемая лишь стрекотом невидимых насекомых и далеким уханьем какой-то ночной птицы.

Она встала, пошатнувшись, и тут ее взгляд упал на собственную руку. На тонком запястье красовался знакомый браслет — дешевая бижутерия, которую она купила на распродаже. И тут ее мозг, наконец, прошел разряд чистейшего, леденящего ужаса. Браслет был надет на правую руку. А она была левшой и носила его исключительно на левой.

Это был маленький, никому не заметный факт, крошечная нестыковка в самом фундаменте реальности. Этот сбой в матрице липкой паникой пополз по жилам. Она судорожно ощупала себя. Под пиджаком — та же самая блузка, на ногах — те же джинсы. Но на правой ноге была туфля, на левой — нет. Она всегда начинала обуваться с левой ноги. Всегда. Это был такой же автоматизм, как почистить зубы перед сном.

И тогда осколки памяти врезались в сознание с пугающей, болезненной четкостью. Не размытое «что-то случилось», а конкретика:

Удар током. Резкая, жгучая боль, бегущая по руке. Свет. Ослепительная вспышка, выжигающая сетчатку. Темнота. Абсолютная, бездонная, и чувство падения в никуда, когда перестаешь ощущать собственное тело. Тишина. Полное, оглушающее отсутствие звука, даже биения сердца.

Она умерла.

Осознание отозвалось в теле глухим ударом под ложечкой. Это не была метафора. Это был медицинский факт, физический опыт, который она только что пережила. Ее сердце остановилось. Дыхание прекратилось. Мозг отключился.

Это не был сон. Сны не вызывают такой мышечной ломоты. Не галлюцинация. Галлюцинации не длятся так долго и не подчиняются законам физики, вроде жесткости земли под ногами. Не розыгрыш. Никакой скрытой камеры не хватит, чтобы подменить небо на то, где висят две луны.

Логика, холодная и безжалостная, выстроила цепочку неопровержимых доказательств: Она пережила смерть. Она находится в мире, фундаментально отличном от ее собственного.

Вывод был один, и он повис в воздухе, тяжелый и неумолимый:

Ее душа... ее сознание... что-то, что было Леной, перенеслось. Куда-то. В другой мир.

Осознание накрыло ее с головой, как ледяная волна. Ноги подкосились, и она снова грузно опустилась на землю, сжав голову руками, пытаясь удержать разбегающиеся осколки реальности. Она была мертва. Ее старая жизнь закончилась. А новая... началась здесь. Под двумя лунами.

— Я... в другом мире, — прошептала она, и от этих слов по коже побежали мурашки. Фантазии, книжные сюжеты, мечты — все это было таким безопасным и далеким. А теперь это стало ее ужасающей реальностью.

Паника накатила мгновенно, ледяной волной, сжимая горло. Лена в каком-то неясном порыве закачалась, обхватив себя за плечи, пытаясь унять дрожь.

— Э-э-э, девушка! С тобой чего?

Голос был низким, хрипловатым и абсолютно человеческим. Из-за угла ближайшего дома вышел мужчина. Лена замерла, впившись в него взглядом, ожидая чего угодно — зеленой кожи, клыков, заостренных ушей... Но нет, это был самый что ни на есть обычный человек, лет пятидесяти, с густой проседью в бороде и в простой холщовой рубаше, подпоясанной ремнем. В руках он нес вязанку хвороста.

Осознание своей ситуации требовало хоть какого-то выхода. Лена, не думая, выпалила первое, что пришло в голову, единственное, что казалось сейчас важным:

— Я... я попаданка! Я умерла! Меня током ударило, и я тут! — ее голос сорвался на визг.

Мужчина остановился в паре шагов, внимательно, без особого удивления оглядел ее с ног до головы — ее офисную блузку, пиджак, узкие джинсы.

— Попаданка, говоришь? — он почесал затылок. — Ну, бывает. Редко, но бывает. От магии, что ли, или звезды так сойдутся... Хрен их разберет.

Лена смотрела на него, не веря своим ушам. Он не спорил. Не называл ее сумасшедшей. Он просто... подтвердил. Это был последний гвоздь в крышку гроба ее старой жизни. Это правда.

— И... и что мне делать? — прошептала она, чувствуя, как начинают дрожать ноги.

— А хрен его знает, — философски изрек мужчина, перекидывая вязанку на другое плечо. — С этим, обычно, ничего делать нельзя. Обрато никто не возвращался, по слухам. Придется тебе тут жить, как все.

«Жить. Тут». Слова отскакивали от сознания, не желая складываться в осмысленную картину. Ее мир, ее квартира с невыплаченной ипотекой, ее работа... Все испарилось.

— Я Мартин, — представился он, видя ее потерянный вид. — У меня тут таверна «У Седого Волка». Пойдем, чего стоять-то. Ночь на дворе, замерзнешь еще. И вид у тебя, будто тебя через мясорубку прокрутили.

Он не предложил руку, не стал проявлять лишней галантности, просто развернулся и пошел по направлению к деревне. А у Лены, честно говоря, не было другого выбора.

Таверна оказалась тем же приземистым зданием с подслеповатыми окошками. Внутри пахло дымом, жареным мясом, пивом и человеческим потом. Было шумно. Разговор смолк на секунду, когда Лена переступила порог, десяток любопытных глаз скользнул по ее странной одежде. Но, не видя в ней явной угрозы, все быстро вернулись к своим кружкам и беседам.

— Садись у печки, погрейся, — кивнул Мартин на большой камин. — Сейчас похлебки принесу.

Лена машинально опустилась на указанную лавку, протянула к огню оковеченные пальцы. Она чувствовала себя пустым мешком. Шок постепенно отступал, уступая место тяже-

лону, давящему осознанию. Она мертва. Умерла от розетки и кошачьего мема. Это было так по-идиотски, что даже слез не было. Только горький, соленый комок в горле.

Мартин вернулся с глиняной миской, от которой шел согревающий душу аромат, и кружкой темного, мутного эля.

— На, подкрепись.

— Спасибо, — прохрипела Лена и принялась за еду. Тело понемногу оттаивало, а вместе с ним просыпалась и способность мыслить.

— А что это за мир? — спросила она, отодвинув пустую миску. — У вас тут кто... эльфы, орки, драконы водятся?

Мартин, вытиравший кружки за стойкой, фыркнул:

— Водятся, еще как. Эльфы — в своих лесах сидят, носы воротят. Драконы — в горах, слава богине, давно не показывались. А орки... — он мотнул головой в сторону леса, — по ту сторону Граничных гор шляются. Иногда набегают. Но тут, у нас, тихо. Люди в основном.

Лена кивнула, в голове уже выстраивая первые логические цепочки. Значит, классическое фэнтези. И есть способ вернуться. Он должен быть!

— А магия? Маги сильные есть?

— Есть, — Мартин бросил в ее сторону оценивающий взгляд. — В столице, у короля. А к нам кто поедет?

Значит, найти мага, который согласится ее изучить и «выслать» обратно, будет непросто. Да и кто его знает, куда она попадет в результате магического эксперимента.

Мартин, закончив с кружками, подошел ближе.

— Так, слушай сюда, попаданка. Как звать-то?

— Лена.

— Так вот, Лена. Сидеть без дела — голодной помрешь. Работы много. Моешь посуду, подаешь эль, полы моешь — крыша над головой и еда будет. Согласна?

Лена медленно кивнула. Да, это был единственный разумный вариант. Выжить. Осесть. Осмотреться. А там... а там видно будет.

— Согласна.

— И одежду тебе нормальную найти надо, — буркнул Мартин, оглядывая ее джинсы. — А то тут парни не стесненные, подумают боги знает что.

Он отвел ее в маленькую каморку под лестницей, где стояла узкая кровать с соломенным тюфяком и грубый деревянный сундук. «Твой новый дом, Гарри», — с горькой иронией подумала Лена, вспомнив одну популярную книгу из своего мира.

Когда дверь закрылась, и она осталась одна в темноте, под свет двух лун, пробивавшийся сквозь щель в ставне, ее наконец накрыло. Она сжалась в комок, заткнула рот кулаком, чтобы не зарыдать на всю таверну, и тихо, беззвучно, разревелась. От страха, от отчаяния, от потери всего и вся.

Но слезы когда-нибудь заканчиваются. И когда они высохли, в голове, среди обломков старой жизни, родилась первая, хрупкая, но четкая мысль: «Я не останусь здесь. Я найду способ. Я вернусь домой».

Она не знала как. Но была уверена, что умрет, прежде чем смирится. Оставалось только выяснить, какая именно смерть станет для нее билетом обратно. А пока... пока нужно было мыть посуду.



Глава 2

Месяц в таверне «У Седого Волка» пролетела в сплошном тумане, густом и едком, как пар от котла с кипящей похлебкой. Этот туман состоял из запахов: кислого пива, вчерашнего супа, подгоревшего жира с кухни и едкой, противной щелочи, которой Лена оттирала полы каждое утро. Она мыла посуду больше, чем за всю свою предыдущую, офисную жизнь. Горы глиняных кружек, деревянных мисок и оловянных кубков, липких от эля и жира, казались вечными и неиссякаемыми.

Ее руки, еще недавно ухоженные, с коротким аккуратным маникюром, превратились в руки прачки: красные, с шершавой кожей, покрытые мелкими трещинками от едкого щелока и обжигающе горячей воды. Спина ныла после двенадцати часов на ногах, а ноги гудели так, будто их отбили молотками. Но Лена почти благословляла эту физическую усталость. Она была благом. Она притупляла острые углы паники, заглушала навязчивый внутренний монолог о безысходности и давала передышку от осознания, что ее старый мир потерян навсегда. Пока ты с остервенением оттираешь пригоревшую кашу с дна котла, некогда реветь и метаться.

Мартин оказался суровым, но по-своему справедливым хозяином. Через пару дней он молча сунул ей сверток с поношенной, но чистой серой холщовой рубахой и темно-синей юбкой до пола, а также пару простых, выдавших виды кожаных башмаков.

— С вычетом из жалованья, — буркнул он, заметив ее вопрошающий взгляд.

Лена лишь кивнула. Справедливо. Ее офисный «прикид» был здесь не просто неуместен — он был опасен, привлекая слишком много внимания. Переодевшись, она почувствовала себя чуть менее чужой, чуть более невидимой, и это было облегчением.

Она быстро училась местным правилам выживания. Научилась носить по три запотевших кружки с элем в одной руке, не расплескав ни капли. Научилась уворачиваться от шлепков и щипков слишком развеселившихся посетителей — не с криком и обидой, а с молчаливой, скользкой ловкостью, вызвавшей у мужчин скорее уважение, чем злость. Местные, от фермеров до конюхов, быстро привыкли к «новой служанке Мартина» — странноватой, тихой девке с большими испуганными глазами. После пары неуклюжих попыток заигрывания, которые Лена парировала с ледяной вежливостью, ее в основном оставили в покое, став для нее просто частью пейзажа, как столы и скамьи.

И именно в эти редкие моменты относительного покоя, когда руки были заняты монотонным трудом, а разум, наконец, освободился от сиюминутных забот, Лена и начинала строить свои теории. Они роились в ее голове, как осенние мухи — настойчивые, назойливые, не дающие покоя. Это был ее единственный способ вернуть себе хоть какую-то иллюзию контроля над ситуацией. Она мыла кружку и обдумывала. Вытирала стол и анализировала.

Теория первая, отпавшая сразу и бесповоротно: Самоубийство.

Эта мысль приходила по ночам, в ее каморке под лестницей, пробираясь сквозь сон холодной и липкой, как щупальце. Взять заточенный нож с кухни. Подняться на холм и броситься вниз. Пойти к реке и сделать глубокий вдох... под водой. Но каждый раз, едва она допускала эту возможность, ее охватывал такой животный, всепоглощающий ужас, что перехватывало дыхание и сводило желудок. Нет. Решимости не хватит. Это было не только страшно и больно, но и как-то... унижительно. Закончить свою жизнь, пусть и вторую, вот так, в грязи и одиночестве, без смысла и надежды? Без гарантии, что это работает?

А вдруг не сработает? Вдруг за этот грех, а во всех религиях ее мира самоубийство было тяжким грехом, ее душа не вернется домой, а отправится в какое-нибудь адское чистилище? Вечно мыть посуду в демонической таверне, где из крана течет расплавленный свинец? Рисковать, не имея никаких данных, она не хотела. Этот вариант был отвергнут с брезгливостью и внутренней дрожью.

Теория вторая, высокомагическая и соблазнительная: Умереть от руки (или пасти) могущественного существа.

Сначала она казалась самой логичной и... почти благородной. Найти эльфа, дракона, какого-нибудь древнего духа и спровоцировать его на смертоносный выпад. В книгах именно так часто и происходило — герой погибал в схватке с великим злом, а его душа с почетом возвращалась к предкам. Но чем больше Лена прислушивалась к разговорам в таверне, тем призрачнее становились эти надежды.

Эльфы, если они и существовали, были здесь на уровне снежного человека — все о них слышали, но никто не видел. «В Серебристых Лесах, говорят, тени мелькают, — пересказывал один дровосек другому. — Но кто их знает, то ли эльфы, то ли ветер с галлюцинациями от голода».

Драконы — и вовсе легендой седой старины, вроде библейских левиафанов. «Мой прадед сказывал, что его прадед видел, как над горами тень от крыла пролетела, — бормотал старый пастух. — Да такую, что полдеревни солнца лишилось!» Все это были сказки, байки, не подкрепленные ни одним фактом.

Но даже если представить, что она такое найдет... Кто его знает, как магическая смерть подействует на душу попаданки? Она была здесь аномалией, сбоем в программе. Вдруг заклинание или огненное дыхание не просто убьют ее, а «перезапишет» ее сущность? Или, что еще хуже, случайно отправит не обратно, а в еще более жуткое и отвратительное измерение? Слишком много переменных. Слишком опасно. Слишком ненадежно.

И тут же в память, словно откровение, врезалась обложка одной прочитанной на одном дыхании (и украдкой) фэнтези-книжки. Сюжет был откровенно эротическим, и Лена, краснея, тогда листала его поздно ночью, с фонариком под одеялом. Но больше всего ее поразила даже не сама интимная сцена с драконом, а авторская сноска, где с непоколебимой, почти научной серьезностью объяснялось, что драконы, в силу своей уникальной биологии и наличия двух сердец, обладают и парными репродуктивными органами.

Мысль об этом вызвала у нее сейчас не смущение, а леденящий душу, панический ужас. Она с такой силой сжала поднос, что костяшки пальцев побелели. «Драконы? — с содроганием подумала она, отставляя пустую кружку. — Нет уж, спасибо. С их двумя... э-э-э... пипидастрами, это слишком даже для героической смерти. Слишком унижительно. И ВДВОЙНЕ страшно». Этот вариант был вычеркнут с позором.

Однажды, разнося эль столику с усталыми и пропахшими потом охотниками, она подслушала обрывок их разговора.

«...а там, за Черными Хребтами, где дальняя долина, говорят, орки кочуют...» — говорил один, с седыми висками.

Лена замерла с подносом, затаив дыхание, делая вид, что поправляет складку на фартуке.

«...да ну, Гарт, брехня это все, — отмахнулся его молодой напарник. — Никто оттуда живым не возвращался, вот и страшилки сочиняют. Просто зверья там голодного хватает».

Орки. В ее мире это слово было нарицательным. Большие, зеленокожие, примитивные, жестокие, не обремененные сложной магией и философией.

И тогда, словно пазл, подгоняемый логикой и отчаянием, в ее голове сложилась Теория третья, оркская, примитивная и потому идеальная.

Орки. Примитивные. Без сложной магии. Убивают быстро, эффективно и без затей — дубиной по голове или копьем в сердце. Никаких сложных заклинаний, способных исказить, разорвать или неправильно адресовать ее душу. Чистая, простая, грубая, физическая смерть. Надежно. Практически безрисково в метафизическом плане. И, что было немаловажно, орки, судя по слухам, были реальны и относительно достижимы. Где-то там, за горами.

План сформировался сам собой, простой и элегантный в своей чудовищности. Нужно добраться до тех самых Черных Хребтов, найти орка и сделать все возможное, чтобы он ее

убил. Желательно, максимально быстро и без лишних страданий. Она даже представила себе эту сцену: она выходит на поляну, видит орка, кричит что-то оскорбительное, он с ревом бросается на нее, и все кончено. Билет домой.

В кармане ее нового платья уже лежала скромная, но вполне реальная сумма — ее первая зарплата. Небогатая, но достаточная, чтобы купить приличный запас дорожных сухарей, вяленого мяса и, возможно, нанять на пару дней какого-нибудь отчаянного проводника, который подвезет ее поближе к цели.

Мысль о том, чтобы потратить эти первые тяжело заработанные деньги на собственную смерть, была настолько абсурдной, что Лена чуть не рассмеялась вслух. Горьким, истерическим смехом.

Решимость созрела в одно мгновение. Вечером, когда таверна почти опустела, а Мартин, как обычно, вытирал стойку грубой тряпкой, Лена подошла к нему, сжимая в кармане монеты, чтобы руки не тряслись.

— Мартин, я хочу поблагодарить вас за все, — начала она, стараясь, чтобы голос звучал твердо и ровно. — Вы спасли меня тогда...

Тот посмотрел на нее поверх кружки, с немым вопросом в усталых глазах.

— Я решила... двинуться дальше. Посмотреть окрестности. Может, в городе работу получше найду, — она выпалила заученную фразу.

Мартин изучающе посмотрел на нее, его взгляд скользнул по ее все еще бледному, осунувшемуся лицу, задержался на темных карих глазах.

— Окрестности, — повторил он без интонации, снова принимаясь за свою работу. — Окрестности тут, девочка, не для прогулок. Лес зубастый. Горы холодные, ветра там такие, что кости вымораживают. А люди... — он хмыкнул, — не все, как я, старые и добрые. Попадутся тебе лихие — костей не соберешь.

— Я понимаю. Я буду осторожна, — упрямо сказала Лена.

— Ладно, — вздохнул он, махнув тряпкой, словно отгоняя назойливую муху. — Вали, коли решила. Только дурья твоя голова. Здесь хоть крыша над головой и похлебка горячая есть. А там... — он не договорил, лишь покачал головой.

На следующее утро Лена, с наспех собранной котомкой за плечами и сердцем, колотящимся где-то в горле, вышла за околицу деревни. Воздух был чист и прохладен. Она оглянулась на знакомый, уже почти родной дымок, поднимавшийся над трубой «Седого Волка» — последним островком относительной безопасности в этом чужом и пугающем мире. Затем она глубоко вздохнула, перекинула котомку на другое плечо и твердо зашагал по пыльной дороге, ведущей на восток, к тем самым Черным Хребтам, чьи зубчатые, покрытые снегом вершины уже виднелись на горизонте сизой грозной грядой.

Она шла навстречу своей запланированной, тщательно выбранной смерти. И впервые за долгое время, с того самого момента, как очнулась под двумя лунами, она чувствовала не слепой ужас и не беспомощное отчаяние, а нечто странно похожее на надежду. Горячую, ядовитую и безумную.



Глава 3

Дорога, которую Лена с таким решительным видом выбрала утром, к полудню превратилась в узкую, едва заметную тропинку, тонущую в колючем кустарнике. Черные Хребты, казавшиеся такими близкими и четкими из деревни, теперь нависали на горизонте размытой, угрюмой грядой, словно дразня ее. Воздух стал холоднее, и в нем запахло хвоей и влажным камнем.

Котомка, поначалу казавшаяся такой легкой, теперь впилась ремнями в плечо. Следов цивилизации не было видно уже несколько часов. Только лес, все более дикий и безмолвный. Ее решимость понемногу остывала, сменяясь трезвым осознанием собственной глупости.

Когда тропинка вывела ее на небольшую солнечную поляну, у дальней опушки, спиной к ней, стояла высокая, массивная фигура. Очень высокая. И очень широкая. Он был облачен в грубые, но аккуратно сшитые кожаные одежды. Из-под рукава виднелась кожа странного, оливково-зеленого оттенка. Длинные черные волосы, кое-где заплетенные в косы, ниспадали на мощные плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.